ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РОССИЯ, ЕВРАЗИЯ, МИР

Подходы к оценке качества экономического роста

Теняков Иван Михайлович
кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
itenyakov@mail.ru

Ключевые слова: качественный экономический рост, качество роста, структурный подход, ресурсный подход, экологический подход, социальный подход, социально-психологический подход, трансформационный сектор, трансакционный сектор

Keywords: qualitative economic growth, quality of growth, structural approach, resource approach, environmental approach, social approach, socio-psychological approach, transformational sector, transactional sector

Экономический рост, рассматриваемый в узком смысле как долгосрочная тенденция повышения национального дохода на душу населения, по-прежнему остается в числе важнейших ориентиров при проведении макроэкономической политики. Сообщения о незначительных изменениях темпов роста экономик США и Китая (как в сторону замедления, так и в сторону ускорения) способны существенно скорректировать ожидания глобальных игроков, однако следует задаться вопросом, насколько адекватно существующие показатели роста отражают действительный рост уровня и качества жизни и благосостояния.

Проблема несоответствия макроэкономических измерений реальной экономической практике возникла давно, однако, в полной мере была осознана и представлена в экспертном сообществе сравнительно недавно. Созданная по инициативе тогдашнего президента Франции Н. Саркози «Комиссия по измерению экономических показателей и общественного прогресса» во главе с нобелевским лауреатом проф. Дж. Стиглицем осенью 2009 г. представила подробный отчет о проделанной работе, в котором были показаны выявленные изъяны существующей системы макропоказателей и предложены некоторые пути совершенствования системы экономических измерений [28]. В частности, Стиглицем было отмечено, что динамика ВВП является недостаточным индикатором завершения рецессии, необходимо учитывать также показатели уровня безработицы и загрузку производственных мощностей [17, с. 85]. Кроме того, показатели темпов роста ВВП (в том числе подушевого) ничего не говорят о *качестве* роста, а ведь именно последнее следует сделать целевым ориентиром

при проведении макроэкономической политики.

Рассмотрим основные критерии качества экономического роста.

Прежде всего, следует различать *качественный экономический рост* и *качество экономического роста.* В первом случае речь идет об особом типе экономического роста, который, являясь разновидностью интенсивного роста, обладает дополнительными характеристиками. Качественный экономический рост сопровождается качественными сдвигами в структуре производительных сил (переходом к более прогрессивным технологическим укладам) и производственных отношений (большей социализацией отношений между капиталом и трудом), и на этой основе происходит возрастание недоходных параметров благосостояния (свободное время, активный отдых, качество окружающей среды и т. д.). В аспекте развития национальной экономики качественный рост сопряжен с достижением целей национального экономического развития, обеспечением национальной экономической безопасности, сохранением ценностей национальной культуры и т. д.

Качество роста — более широкое понятие, которое характеризует экономический рост любого типа. Качество роста может быть описано системой показателей, целевые значения которых достигаются (или не достигаются) в ходе экономического роста. Иначе говоря, если качественный экономический рост — сущностное понятие, охватывающее определенную совокупность социально-экономических отношений, то качество роста — эмпирико-статистический термин, применимый для описания конкретно наблюдаемого процесса экономического роста.

Теперь вернемся к вопросу об определении параметров качества роста. Можно выделить следующие подходы к определению и оценке качества роста:

- *структурный подход:* качество экономического роста характеризуется как оптимальность структурных характеристик экономического роста: темпов, пропорций между отраслями и компонентами выпуска — потреблением, накоплением, экспортом и др.;
- *ресурсный подход:* качество роста характеризуется как продуктивность первичных («массовых») ресурсов;
- *экологический подход:* качество роста характеризуется последствиями роста для окружающей природной среды (экологичность роста);
- *социальный подход:* качество роста проявляется в сокращении социального неравенства и повышении качества жизни населения;
- *социально-психологический подход:* качество роста проявляется в увеличении «счастья» населения.

Указанные подходы имеют ряд точек соприкосновения, поэтому их жесткое разграничение невозможно. Тем не менее, каждый подход акцентирует внимание на какой-то одной стороне экономического роста. Рассмотрим указанные подходы более подробно.

Структурный подход

Необходимость пропорционального роста различных сфер общественного производства была доказана еще в «Капитале» К. Маркса (два подразделения общественного производства). В XX в. была разработана модель межотраслевого баланса (МОБ). Первые работы по МОБ проводились советскими экономистами и статистиками в рамках составления плана развития экономики СССР. Так, в 1926 г. Центральным статистическим управлением СССР был разработан Баланс народного хозяйства за 1923/24 г. под руководством П. И. Попова и Л. Н. Литошенко. В. В. Леонтьев, автор модели «затраты — выпуск», познакомился с работой

Попова и Литошенко еще в рукописи и опубликовал ее методологический разбор [10]. Структурные аспекты роста оставались в центре внимания советских экономистов и в дальнейшем. Так, В. Д. Камаев отмечал, что «проблема качества роста состоит в обеспечении оптимального соотношения темпов динамики результатов и факторов производства. Качественная сторона экономического роста характеризуется показателями производительности труда в целом по народному хозяйству, в важнейших отраслях материального производства» [7, с. 56–57]. Качество произведенного национального дохода Камаев предлагал измерять с помощью системы таких показателей, как удельный вес средств производства и предметов потребления в национальном доходе, в продукции промышленности и сельского хозяйства; удельный вес продукции добывающих и обрабатывающих отраслей в совокупном продукте, конечном продукте и национальном доходе и др. [7, с. 66]. К. И. Микульский выделял такие критерии качества роста, как экономичность роста, то есть величина затрат, обеспечивающих прирост продукции на 1 %; социальная результативность роста, определяемая как доля предметов потребления в приросте всей продукции материального производства; пропорциональность роста, т. е. степень близости к оптимальному соотношению темпов роста различных отраслей и участков народного хозяйства [12, с. 126]. Отметим, что в западной литературе структурные аспекты роста рассматривались, прежде всего, в рамках кейнсианских моделей роста — например, в модели Р. Харрода это соотношение между темпами фактического, «гарантированного» и «естественного» роста. Однако с вытеснением кейнсианских моделей неоклассическими моделями роста, основанными на модели Р. Солоу, острота проблемы сбалансированности и пропорциональности роста снизилась. Неоклассический подход исходит из «саморегулирования» рыночной экономики, а, следовательно, нет необходимости в акцентировании внимания на проблеме структуры роста — гибкий ценовой механизм обеспечивает ее решение автоматически. Единственное, что сохранил неоклассический подход, это акцент на потреблении — максимизация потребления как цель экономического роста согласно «Золотому правилу» накопления капитала Э. Фелпса [27].

В рамках структурного подхода качество роста предлагалось оценивать через соотношение промышленности и сферы услуг, а также экспорта и импорта наукоемкой продукции. Так, В. М. Зубов предложил использовать такие показатели качества роста, как доля наукоемкого производства в ВВП и экспорте; доля услуг в ВВП и экспорте; доля наукоемких услуг в общем объеме сферы услуг, а также доля наукоемких услуг в экспорте сферы услуг [5, с. 96].

Структурный подход позволяет устранить ряд недостатков ВВП как основного макроэкономического показателя, динамика которого является основой для оценки экономического роста. Необходимо произвести *деагрегирование* показателя ВВП как со стороны совокупного спроса, так и со стороны совокупного предложения (выпуска). Является ли высоким качество роста, если значительная доля роста обеспечивается за счет внешнего спроса, в то время как внутренний спрос остается недоразвитым? Можно ли высоко оценивать качество роста, если последний достигается за счет разбухания трансакционного сектора — торгово-посреднической деятельности, финансов, страхования, операций с недвижимостью и т. п. услуг? В рамках стандартной экономической теории «мэйнстрима» эти вопросы не возникают, однако, альтернативные подходы не могут их не учитывать. Как отмечает Э. Райнерт, «экономическая теория, основанная на физике, игнорирует качественные различия между видами

экономической деятельности, которые, в конечном счете, оборачиваются количественно измеримыми различиями в уровне зарплаты. <...> То, что целые страны могут специализироваться на бедности, кажется невероятным экономистам, работающим с метафорами из физики, потому что у них нет инструментов для качественного различения видов экономической деятельности» [15, с. 57–58].

Применим структурный подход для оценки качества роста российской экономики со стороны выпуска. Для этого проведем деагрегирование ВВП по двум секторам: трансформационному и трансакционному. К *трансформационному сектору* отнесем виды деятельности, создающие непосредственно полезные товары и услуги как в материальном, так и в нематериальном производстве, а также формирующие запас человеческого капитала и содействующие укреплению национальной безопасности (без обеспечения которой невозможно устойчивое суверенное национальное развитие в будущем). С учетом существующей статистической классификации видов экономической деятельности, к трансформационному сектору следует отнести: сельское хозяйство, охоту, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, добычу полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь, образование, здравоохранение, а также государственное управление и обеспечение военной безопасности (последнее — с оговорками, поскольку оно включает достаточно существенную трансакционную составляющую, вычленить которую, однако, на основе данных статистики не представляется возможным).

Трансакционный сектор в таком случае включит виды деятельности, связанные с оказанием услуг, обеспечивающих доведение до потребителя продукции трансформационного сектора, а также разного рода перераспределительную деятельность. Строго говоря, данный сектор представляет собой чистые издержки обращения, без которых, однако, современная рыночная экономика не может существовать. Поэтому высокое качество роста означает не уничтожение, а *минимизацию* вклада трансакционного сектора. Напротив, низкое качество роста соответствует его разбуханию и доминированию над трансформационным сектором. К трансакционному сектору можно отнести, прежде всего, финансовую деятельность, а также операции с недвижимостью, аренду и отчасти оптовую и розничную торговлю (в той части, в какой данный вид деятельности становится избыточно разбухшим, что, однако, невозможно вычленить напрямую по данным статистики).

Структурное качество роста по выпуску в первом приближении можно определить, сопоставляя динамику двух секторов, их темпы роста. Если трансформационный сектор растет быстрее трансакционного, то качество роста улучшается — коэффициент структурного качества роста, рассчитанный как отношение темпов роста двух секторов, становится больше единицы. В табл. 1 представлен авторский расчет динамики двух секторов экономики России и коэффициента структурного качества роста по выпуску.

Как следует из анализа табл. 1, трансакционный сектор в российской экономике в целом рос быстрее трансформационного. Причем его ускоренный рост наблюдался накануне кризиса 2009 г.: в 2005–2008 гг. темпы роста трансакционного сектора в 3–5 раз превышали темпы роста трансформационного сектора. Это давало благоприятную картину общего роста валовой добавленной стоимости (ВДС) и ВВП в целом, однако, замедление темпов роста в трансформационном секторе уже свидетельствовало о постепенном

Таблица 1

Динамика секторов экономики России (в % к предыдущему году) и структурное качество роста
Источник: рассчитано по данным [16]

Показатели	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовая добавленная стоимость	6,96	6,66	5,30	7,40	8,08	5,05	–6,74	4,26	3,98	3,59	1,54	0,94	–3,26
Трансформационный сектор	5,68	7,01	2,70	4,57	4,14	2,06	–7,88	3,70	4,58	1,90	0,99	0,41	–2,25
Трансакционный сектор	10,18	5,82	11,64	13,76	16,22	10,59	-4,80	5,18	3,01	6,38	2,86	1,75	–5,26
Коэффициент структурного качества роста	0,959	1,011	0,920	0,919	0,896	0,923	0,968	0,986	1,015	0,958	0,982	0,987	1,032

исчерпании сложившейся модели роста в России. В посткризисный период, несмотря на общее замедление темпов роста, трансакционный сектор попрежнему рос быстрее, чем сектор, производящий реальные блага.

Рассмотренный пример применения структурного подхода не является исчерпывающим, однако демонстрирует возможности данного подхода при анализе качества роста. Структурный подход можно применять и для оценки качества роста через соотношение внутреннего и внешнего спроса, потребления и накопления и других параметров воспроизводства.

Ресурсный подход

Качество экономического роста может быть оценено как продуктивность первичных («массовых») ресурсов. В этом случае рассматривается соотношение между общим темпом роста выпуска и темпом роста выпуска первичных ресурсов. К последним относят прежде всего продукцию трех укрупненных отраслей: сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство), рыболовство и рыбоводство, добычу полезных ископаемых [21, с. 4]. Являясь определенной разновидностью структурного подхода со стороны совокупного предложения, ресурсный подход концентрируется на межотраслевых взаимосвязях в технологических цепочках создания продукта и стоимости.

Разграничение ресурсов на «массовые» и «качественные» было предложено Ю. В. Яременко в рамках концепции многоуровневой экономики [23]. Ю. В. Яременко представил национальную экономику как пирамиду хозяйственных уровней, в соответствии с которыми происходит распределение ресурсов. «Хозяйственный уровень — некоторая совокупность подразделений, близких по качественным характеристикам технологий, ресурсов и выпускаемой продукции» [23, с. 40]. Качественная категория ресурсов определяется «техническим уровнем средств производства и квалификацией рабочей силы, используемых в целях воспроизводства ресурсов. В конечном счете, это связано с длительностью подготовительного цикла, предшествующего моменту вовлечения ресурсов в производство. Подготовительный цикл охватывает формирование квалифицированной рабочей силы, проектирование и освоение необходимого

оборудования, создание материалов с требуемыми характеристиками» [23, с. 29]. При этом состав «массовых» и «качественных» ресурсов меняется в ходе экономического развития. Источниками пополнения самых низших слоев массовых ресурсов являются «не вовлеченная в общественное производство малоквалифицированная рабочая сила, невозделанная земля, неосвоенные естественные запасы» [23, с. 30].

Оценка качества экономического роста в России на основе ресурсного подхода представлена в работах М. Н. Узякова [19–21]. В основе его методики лежит разделение темпов экономического роста на количественную и качественную составляющие. Количественная составляющая оценивается по динамике внутреннего потребления массовых первичных ресурсов, а качественная — по росту их продуктивности [2, с. 20]. Используется следующее допущение: при отсутствии качественных изменений в экономике рост производства на 1 % потребует увеличения производства всех видов первичных сырьевых ресурсов также на 1 %. При любых улучшениях технологии и качества продукции использование сырьевых массовых ресурсов для обеспечения того же роста производства возрастет менее чем на 1 % [6, с. 231]. По расчетам М. Н. Узякова, продуктивность экономики России в конце 2000-х гг. превышала показатель 1990 г. более чем на 50 %, то есть из данного количества ресурсов в российской экономике производилось в полтора раза больше продукции, чем в 1990 г. [21, с. 7]. Однако такая оценка качественных изменений в экономике России представляется завышенной. В частности, М. Н. Узяков оговаривает, что используемый им показатель продуктивности первичных ресурсов существенно зависит от структуры экономики. Повышение доли сферы услуг, что было характерно для экономики России в процессе рыночной трансформации, автоматически повышает показатель «продуктивности» первичных ресурсов. В этой связи более корректно рассматривать «качественную» и «количественную» компоненты роста применительно к выпуску отдельных отраслей материального производства, в которых снижение материалоемкости является достаточно адекватным показателем качественных изменений. Так, по расчетам М. Н. Узякова, в пищевой промышленности, производстве машин и оборудования, строительстве материалоемкость по первичным ресурсам в России соответствует показателям японских отраслей середины 1980 г., в то время как в химической промышленности и черной металлургии материалоемкость японских отраслей, наоборот, выше российских [21, с. 13–14]. Однако на этот разрыв могла повлиять ценовая структура выпуска (более дорогое сырье в Японии). Таким образом, подход М. Н. Узякова к оценке качественной компоненты экономического роста имеет ряд недостатков и может применяться с определенными оговорками. Прежде всего, необходимо сравнивать сопоставимые виды деятельности, поскольку изменение структуры ВВП в сторону увеличения сектора услуг, не требующих для своего «производства» большого количества сырья и других «массовых ресурсов», искусственно завышает показатель качества роста.

Экологический подход

Качество экономического роста оценивается как экологичность роста: экономический рост не должен сопровождаться ухудшением природной среды и истощением «природного капитала». При оценке качества роста стандартные макропоказатели (ВВП и ЧВП) следует скорректировать на величину ущерба, наносимого окружающей среде, например, путем вычитания потребления «природного капитала».

Данный подход берет начало от дискуссии вокруг доклада Римскому клу-

бу «Пределы роста» и лежит в русле концепции «устойчивого развития». В настоящее время получила широкое распространение концепция «зеленого роста». Как отмечается в декларации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Курс на зеленый рост», «зеленый рост означает стимулирование экономического роста и развития, обеспечивая при этом сохранность природных активов и бесперебойное предоставление ими ресурсов и экосистемных услуг, от которых зависит наше благополучие» [8, с. 4]. В частности, в русле концепции «зеленого роста» с 2008 г. выстраивается стратегия развития Республики Корея, которая предусматривает снижение выбросов в атмосферу парниковых газов и адаптацию к изменению климата, создание новых двигателей на основе «зеленых» технологий, повышение уровня жизни путем «озеленения» жизненного уклада [22, с. 45]. Отметим, что в ряде аспектов, связанных с ресурсосбережением и повышением продуктивности использования первичных ресурсов, концепция «зеленого роста» сопрягается с рассмотренным выше ресурсным подходом. Отличие прежде всего в расставляемых акцентах: для «зеленого роста» важно не столько повышение эффективности и продуктивности первичных ресурсов само по себе, сколько экологичность роста, нивелирование его отрицательных последствий для окружающей среды и «природного капитала», который достанется будущим поколениям.

При этом следует подчеркнуть, что применение концепции «зеленого роста» на практике должно учитывать и другие приоритеты национального экономического развития. Так, переход к «зеленому росту» для стран, не создавших достаточно широкий индустриальный базис для своего развития, может привести к торможению национального экономического развития, если под предлогом соблюдения «экологических стандартов» происходит удушение национальной промышленности, деиндустриализация и переход к экономике торговых и сервисных услуг. Таким образом, под предлогом соблюдения экологических требований развитые страны могут использовать экологические нормативы как средство в глобальной конкурентной борьбе, чтобы не допустить на свои рынки продукцию развивающихся стран.

Социальный подход

Качество роста оценивается как повышение качества жизни.

Существуют различные трактовки «качества жизни». В рамках «мэйнстрима» первоначально делался акцент на максимизации потребления в ходе экономического роста, согласно «золотому правилу накопления» Э. Фелпса. К нему был близок подход некоторых советских экономистов, предлагавших показатель «социальной результативности роста» как долю предметов потребления в приросте всей продукции материального производства [12, с. 126]. Однако практически сразу после выхода статьи Э. Фелпса [27] данный подход был подвергнут критике Дж. Тобином, который отметил, что ни ВВП, ни потребление не отражают ценность досуга [29]. Сокращение рабочего времени, увеличение отпуска, более ранний выход на пенсию хотя и приводит к снижению темпа роста потребления, но повышает благосостояние. Тобин подчеркивал, что необходимо рассматривать траекторию такого потребления, которое включает и досуг, оцениваемый в соответствии с реальной заработной платой. Оно должно также учитывать и потребление общественных благ, предлагаемых правительством [18, с. 107].

В 1972 г. У. Нордхауз и Дж. Тобин предложили показатель чистого экономического благосостояния (ЧЭБ), который должен был корректировать показатель ВВП на отрицательные факторы

благосостояния (со знаком «минус»), нерыночную деятельность и свободное время (со знаком «плюс»). В частности, Нордхауз и Тобин предложили скорректировать показатель личного потребления, вычитая из него расходы на приобретение товаров длительного пользования и другие «инвестиционные» расходы домашних хозяйств, но добавляя стоимость «услуг», которые оказывают товары длительного пользования, оценку стоимости досуга и нерыночной деятельности [26].

В ходе дальнейших исследований были предложены различные индикаторы оценки качества жизни и его взаимосвязи с экономическим ростом. Для оценки качества жизни используются, в частности, такие показатели, как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), Индикатор подлинного прогресса [3] и др. Как отмечает В. Лахман, «с качественным ростом связано более высокое качество жизни, однако трудность состоит в определении подходящего для этого случая индикатора благосостояния. Для оценки роста благосостояния необходимо применять такие индикаторы, как увеличение свободного времени, улучшение состояния окружающей среды, уменьшение смертности младенцев, а также повышение грамотности населения» [9, с. 233].

В рамках социального подхода особый акцент делается на проблеме социального неравенства. Показатели дохода и потребления, в том числе на душу населения, являются усредненными и не учитывают распределение доходов и потребления между различными группами населения. Наряду с показателями дифференциации доходов населения благосостояние общества характеризует также показатель доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Его сокращение, при прочих равных условиях, свидетельствует о росте уровня жизни, а экономический рост, вызывающий такое сокращение, с социальных позиций может быть охарактеризован как качественный. Однако следует отметить, что состав потребительской корзины, на основе стоимости которой рассчитывается величина прожиточного минимума, в разных странах может отличаться, что делает некорректным прямое сопоставление соответствующих показателей уровня бедности разных странах. Тем не менее, остается возможность сравнения уровней бедности в рассматриваемой стране в различные периоды.

Проблема взаимосвязи неравенства и экономического роста остается крайне актуальной в условиях замедленной динамики мировой экономики и растущего социального расслоения в мировом масштабе. В работе Т. Пикетти [14], вызвавшей широкий общественный резонанс, подчеркивается взаимосвязь между темпами экономического роста, нормой прибыли на капитал и неравенством в распределении доходов. В коллективной монографии [13] представлен опыт экономического развития и охарактеризованы тенденции изменения социального неравенства в ряде стран БРИКС, в частности, отмечено растущее неравенство в распределении доходов в Китае.

Крайне актуальной проблема оценки социального качества экономического роста остается в современной России. Не существует простого способа ее решения, тем более что данные официальной статистики о неравенстве распределения доходов недостаточно всеохватывающие. Необходима более широкая система индикаторов, связывающая показатели неравенства и экономического роста. В табл. 2 представлен ряд показателей, характеризующих социальное качество экономического роста в России.

По данным табл. 2 выводы о социальном качестве экономического роста в России остаются противоречивыми. Так, в 2000-е гг. произошло сокращение доли населения с доходами ниже прожи-

Таблица 2

Показатели социального качества экономического роста в России
Источник: [16], *расчеты автора*

Год	Реальные располагаемые доходы населения, в % к предыдущему году	Отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму (ПМ), раз	Население с доходами ниже ПМ		Темп роста численности населения с доходами ниже ПМ, в % к предыдущему году	Децильный коэффициент дифференциации	Коэффициент Джини
			млн чел	в % от общей численности населения			
1999	88	1,83	41,6	28,4	–	14,1	0,4
2000	112	1,89	42,3	29	101,68	13,9	0,395
2001	109	2,04	40	27,5	94,56	13,9	0,397
2002	111	2,18	35,6	24,6	89,00	14	0,397
2003	115	2,45	29,3	20,3	82,30	14,5	0,403
2004	110	2,69	25,2	17,6	86,01	15,2	0,409
2005	112	2,68	25,4	17,8	100,79	15,2	0,409
2006	113	2,97	21,6	15,2	85,04	15,9	0,415
2007	112	3,26	18,8	13,3	87,04	16,7	0,422
2008	102,4	3,24	19	13,4	101,06	16,6	0,421
2009	103	3,28	18,4	13	96,84	16,6	0,421
2010	105,9	3,33	17,7	12,5	96,20	16,6	0,421
2011	100,5	3,26	17,9	12,7	101,13	16,2	0,417
2012	104,6	3,57	15,4	10,7	86,03	16,4	0,42
2013	103,2	3,51	15,72	11,02	102,08	16,2	0,418
2014	99,3	3,45	16,12	11,22	102,54	16,0	0,416
2015	95,7	3,12	19,1	13,3	118,5	15,6	0,412

точного минимума в два раза, но одновременно имело место усиление дифференциации доходов, о чем свидетельствует рост показателей индекса Джини и децильного коэффициента дифференциации. После кризиса 2009 г. сокращение населения с доходами ниже прожиточного минимума резко замедлилось, а в 2014–2015 гг. наблюдалась противоположная тенденция. В то же время поляризация в распределении доходов незначительно снизилась, если судить по данным официальной статистики. Тем не менее, в условиях спада 2015 г. резкий (на 18,5 %) рост численности населения с доходами ниже прожиточного минимума является тревожным сигналом, свидетельствующим о крайне низком социальном качестве экономической динамики в России. Необходимо повысить акцент на социальном качестве экономического роста как в теоретических исследованиях, так и в области экономической политики.

Социально-психологический подход

Качество экономического роста раскрывается здесь как увеличение показателя «счастья» населения.

Данный подход представлен относительно молодым направлением исследований, известным как «экономическая теория счастья» (economics of happiness). В фокусе внимания данного направления — субъективные представления индивида об удовлетворенности своей жизнью как феномен экономической реальности. Как отмечает О. Н. Антипина, «эта теория рассматривает, какие экономические факторы и в какой степени определяют человеческое счастье, как счастье человека зависит от уровня экономического развития страны, какие экономические параметры отражают „уровень счастья“ общества в целом, как ощущение человеком собственного счастья влияет на результативность его экономической деятельности, какова мера ответственности за счастье самой личности и государства» [1, с. 94].

Среди исследователей, развивавших данное направление, следует отметить работы Д. Р. Истерлина [24], Р. Лэйярда [11] и др. Пытаясь определить факторы, от которых зависит «счастье» индивида, исследователи применяют различные методы измерения и оценки. Так, в числе «объективных» показателей используются различные показатели самочувствия и здоровья человека, в том числе характеристика активности коры головного мозга в различных ситуациях, поскольку активность мозга в «счастливых» ситуациях отличается от активности в «несчастливых» ситуациях. «Субъективные» показатели выводятся по результатам проведения многочисленных опрос-тестов и интерпретации полученных данных.

Факторы, от которых зависит «счастье» индивида, можно с некоторыми оговорками подразделить на экономические и неэкономические. Так, к экономическим факторам обычно относятся: степень экономического развития страны в целом (в том числе доступность и качество услуг в сфере здравоохранения, образования, рекреации), наличие или отсутствие работы или иного источника дохода, а также его величина, уровень среднедушевого дохода (в том числе в рамках профессиональной или социальной группы), общие макроэкономические показатели (инфляция, безработица, деловой цикл). К неэкономическим факторам относятся: половозрастные признаки, психологический тип личности (например, оптимист или пессимист), социальный статус (образование, профессия, семейное положение), способ проведения досуга, жизненные условия (климат, социальный порядок и др.) [1, с. 96–97]. Уже сам перечень факторов показывает нестрогий характер границы между экономическими и неэкономическими факторами, поскольку, например, такие показатели социального статуса, как образование и профессия, в свою очередь, зависят от состояния и тенденций развития национальной экономики. При этом к числу наиболее значимых факторов «счастья» относят семь следующих факторов: семейные отношения, финансовая ситуация, работа, общество и друзья, здоровье, личная свобода, личные ценности [11, с. 95–96].

В экономической теории счастья известен так называемый «парадокс Истерлина», который заключается в том, что когда люди становятся богаче по сравнению с другими, они делаются счастливее, но это утверждение неверно для общества в целом: рост богатства общества не делает его членов счастливее, по крайней мере, на Западе [11, с. 51]. По этой причине экономический рост, какими бы высокими темпами он ни характеризовался, может не приводить к повышению уровня счастья общества в целом. Более того, в ходе экономического роста могут возникать такие явления,

которые, напротив, отрицательно сказываются на уровне счастья отдельных людей — например, сокращение количества часов досуга, рост интенсивности и напряженности труда, сокращение возможностей социальных взаимодействий и т. д. Одно из объяснений «парадокса Истерлина» состоит в том, что люди обычно сравнивают уровень своего дохода с уровнем дохода других лиц в соответствующей социальной или профессиональной группе. Когда рост дохода индивидуума обгоняет рост доходов других лиц, то индивидуум становится счастливее, но когда одинаково растут доходы всех, уровень счастья не повышается. При этом экономисты отмечают значимость влияния различий в доходах богатых и бедных стран на показатели общей удовлетворенности жизнью населения этих стран. Самое большое действие на уровень счастья рост дохода оказывает в самых бедных странах, где население находится на пороге бедности. В этом случае получается, что для бедных стран даже чисто количественный экономический рост является качественным постольку, поскольку повышает уровень жизни и ощущение счастья, но по мере роста национального богатства этот эффект постепенно сходит на нет. Таким образом, в рамках социально-психологического подхода качественный экономический рост может сопрягаться с чисто количественным увеличением дохода, если начальный уровень дохода и богатства страны очень низок. Напротив, по достижении достаточно высокого уровня подушевого дохода дальнейший экономический рост слабо сказывается на показателе счастья.

Для оценки «счастья» населения специалисты «экономической теории счастья» предложили использовать «индекс счастья», который рассчитывается на основе трех показателей: ожидаемой продолжительности жизни, субъективной удовлетворенности жизнью и показателя, характеризующего «экологический след» [30].

Заключение

Все рассмотренные выше подходы к определению и оценке качества экономического роста имеют точки соприкосновения. При этом наиболее общим является структурный подход, который, в зависимости от рассматриваемых структурных аспектов, может сопрягаться с ресурсным, экологическим или социальным подходами. Последний, в свою очередь, может трансформироваться в социально-психологический подход, выходя за рамки «чистой» экономической науки и рассматривая «счастье» как цель экономического развития с различных сторон. При этом следует учитывать ограничения, существующие в рамках каждого подхода. Так, ресурсный подход следует применять при сопоставимой структуре экономики, поскольку существенные структурные сдвиги (например, рост доли сферы услуг) способны исказить оценку качества роста на основе данного подхода. Применение экологического подхода также сопряжено со сложностями при интерпретации конкретных эколого-экономических показателей как показателей качества роста, ведь «экологичным» может быть и рост экономики, основанный на разрастании сферы услуг, не требующей широкого использования природных ресурсов, в отличие от промышленного сектора. Социальный подход, примененный в отрыве от остальных, также может дать искаженное представление о качестве роста, например, если повышение благосостояния населения основано на увеличении долговой нагрузки на экономику. Например, совокупный государственный и частный долг США в 2010 г. вырос в 81 раз по сравнению с 1957 г. — с 693 млрд долл. до 57 трлн долл. [25] Формально выходит, что «весь экономический рост ВВП США после 1990 г. обеспечивается не ростом производительности, а ростом совокупного долга

страны» [4, с. 6]. Наконец, социально-психологический подход, находясь на стыке разных наук, акцентирует внимание лишь на параметрах «счастья», игнорируя все прочие аспекты экономического роста. На наш взгляд, структурный подход к оценке качества экономического роста, являясь достаточно общим, способен при его грамотном применении устранить недостатки, присущие прочим подходам, а структурные показатели качества роста в его различных аспектах — должны дополнять друг друга. Использовать какой-то один «универсальный» показатель качества роста — недостаточно, требуется система показателей, раскрывающих разные аспекты качества роста. Так, с одной стороны, необходимы показатели структуры роста, отражающие его наполнение (реальный ли это рост или он носит преимущественно трансакционно-спекулятивный характер), с другой, показатели социального качества роста (соотношение между доходами населения, уровнем бедности, дифференциацией доходов), в третьих, показатели экологичности роста (например, «экологический след»), в четвертых, дополняющие их показатели «счастья», среди которых важнейшим показателем следует назвать показатель динамики доли свободного времени в структуре общего фонда времени.

Литература

1. *Антипина О. Н.* Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.
2. Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв (долгосрочный сценарный прогноз) // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5.
3. *Данилишин Б. М., Веклич О. А.* Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6.
4. Долговая проблема как феномен XXI века. Монография / под ред. А. А. Пороховского. М.: Макс-Пресс, 2014.
5. *Зубов В. М.* Качество экономического роста. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991.
6. Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В. П. Горегляд. М.: Наука, 2005.
7. *Камаев В. Д.* Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977.
8. Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. ОЭСР. 2011. Май.
9. *Лахман В.* Экономика народного хозяйства. М.: Волтерс Клувер, 2008.
10. *Леонтьев В. В.* Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство. 1925. № 12.
11. *Лэйярд Р.* Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
12. *Микульский К. И.* Экономический рост при социализме. Современный опыт и перспективы. М.: Наука, 1983.
13. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса /Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
15. *Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
16. Росстат: http://www.gks.ru.

17. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и н овый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.
18. *Тобин Дж.* Денежная политика и экономический рост / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
19. *Узяков М. Н.* Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. М.: ИСЭПН, 2000.
20. *Узяков М. Н.* Экономический рост России: количественная и качественная составляющие // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3.
21. *Узяков М. Н.* Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.
22. *Янг С.* Подготовка к «зеленому росту». Почему экономическое развитие Кореи не приводит к ухудшению экологической обстановки // ЮНИДО в России. Вестник Центра Организации Объединенных Наций по промышленному развитию. 2012. № 7.
23. *Яременко Ю. В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
24. *Easterlin R.* Income and Hapiness: Towards a Unified Theory // Economic Journal. 2001. V. 111.
25. *Hodges Michael W.* The Grandfather Economic Report. http://www.grandfather-economic-report.com/debt-nat-a.htm.
26. *Nordhaus W. D., Tobin J.* Is Growth Obsolete? // Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol 5. Economic Growth. NBER, 1972.
27. *Phelps E. S.* The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. Vol. 51. № 4. 1961.
28. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr.
29. *Tobin J.* Economic Growth as an Objective of Government Policy // American Economic Review. 1964. May. № 54.
30. World Happiness Report 2016 / Ed. by *J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs*. http://worldhappiness.report/wp-content/uploads/sites/2/2016/03/HR-V1_web.pdf